

**А. Г. Лундин**

## **ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЕ В КАТАБАНЕ**

Принципы и правила престолонаследия в древней Южной Аравии никогда специально не изучались. Все исследователи молчаливо исходили из того, что власть передавалась обычным порядком, от отца к сыну или от брата к брату. Реконструкции генеалогической последовательности правителей были (и во многом остаются и до сих пор) излюбленным средством для установления хронологии надписей<sup>1</sup>. Хотя при всех многочисленных попытках даже для лучше всего известных и документированных периодов не удалось установить надежные генеалогии царских династий больше чем на три-четыре поколения<sup>2</sup>, это не поколебало убеждения последователей генеалогического принципа в его правильности.

Эпиграфический материал, на котором основывается изучение древней Южной Аравии, содержит только частные случаи применения правил престолонаследия, по которым весьма трудно выяснить общую закономерность. Кроме того, надписи не выделяют ни случаев законного наследования, ни случаев нарушения правил. В большинстве своем надписи позволяют установить, что правитель был сыном правителя, однако выяснить, являлось ли это общим правилом или просто одним из возможных случаев наследования, очень сложно.

В подобной ситуации очень важны нарративные источники, которые, напротив, руководствуются общими правилами, и даже в тех случаях, когда в реальной жизни правило нарушается, пытаются придать этому нарушению форму законности. Правда, такие источники по истории древнего Йемена очень малочисленны и ненадежны, но интересующий нас вопрос является счастливым исключением. Страбон, излагая Эратосфена, дает весьма подробное и интересное описание правил наследия престола в Южной Аравии<sup>3</sup>: «Царство у них наследует не сын от отца, но сын какого-нибудь знатного человека, первым родившийся после поставления царя. Поэтому вместе с поставлением кого-нибудь на царство составляют список беременных жен знатных людей и приставляют к ним стражу для наблюдения, которая из них родит первой. По закону сына этой женщины забирают и воспитывают его по-царски как будущего преемника» (Strabo, XVI, IV, p. 768).

Как всегда для нарративного источника, встают вопросы о датировке сообщения и о его достоверности. Известие Страбона восходит к Эратосфену, т. е. к концу III в. до н. э. В истории Южной Аравии это соответствует времени существования традиционных форм сабейской государственности<sup>4</sup> и расцвету Ма'инна и Катабана. Однако то, что известно о

<sup>1</sup> См., например: *H. von Wissmann. Zur Archäologie und Antiken Geographie von Südarabien. Istanbul, 1968, S. 1—11.*

<sup>2</sup> *J. Ryckmans. La chronologie des rois de Saba et du-Raydan. Istanbul, 1964, tabl. I, II.*

<sup>3</sup> Указанием на это место я обязан Г. М. Бауэру и рад случаю принести ему свою глубокую благодарность. Я весьма признателен также И. Ш. Шифману за ценные консультации по переводу отрывка.

<sup>4</sup> См. *А. Г. Лундин. Государство мукаррибов Саба. М., 1971, 245—251.*

верховных правителях Сабейского государства, явно не соответствует данным Страбона — Эратосфена.

Ономастика правителей позволяет установить закономерности престолонаследия в Сабейском государстве I тысячелетия до н. э. Известно, что мукаррибы и ранние цари Саба<sup>1</sup> примерно до рубежа нашей эры могли носить только шесть имен и четыре прозвища, табуированные для других лиц<sup>5</sup>. Это позволяет считать ономастику сабейских правителей подчиняющейся определенным правилам. Имена и прозвища, которые получали правители в соответствии с этими правилами, мы назовем характерными, а имена, не соответствующие правилам, но встречающиеся у правителей или предполагаемых правителей (их отцов, сыновей и т. д.) — нехарактерными. Возможно, правда, что эти имена следует рассматривать как «тронные», т. е. как имена, получаемые при вступлении на престол. Однако во всех известных случаях упоминаний отцы правителей носят те же самые имена. Это значит, что отцы правителей, даже известные только по надписям сыновей, также были правителями. Следовательно, в Саба<sup>1</sup> пост правителя (царя и мукарриба) передавался от отца к сыну, что противоречит данным Страбона.

К раннему периоду истории Южной Аравии относится также начальный этап существования Катабанского государства. Но катабанских надписей известно много меньше, чем сабейских, да и исследованы они значительно хуже, так что отделить тексты раннего периода от более поздних можно только по палеографии, которая далеко не всегда известна. Поэтому для многих надписей датировка остается неясной.

Характер власти правителей в Катабане очень напоминает характер власти сабейских правителей<sup>6</sup>; это позволяет предположить аналогии и в ономастике правителей, в первую очередь — закономерный характер имен мукаррибов и царей. Действительно, анализ надписей, упоминающих правителей Катабана, показывает, что достоверно правившие цари и мукаррибы (если исключить имена отцов правителей и их сыновей) носили очень ограниченное число имен: šhr Шахр, yd<sup>c</sup>b Иада<sup>c</sup>аб, wrw<sup>l</sup> Варав<sup>l</sup>ил, smhwtr Сумхуватар, hwf<sup>c</sup>m Хавф<sup>c</sup>амм, nbtm Набатум, dmr<sup>c</sup>ly Замар<sup>c</sup>алай и smh<sup>c</sup>ly Сумху<sup>c</sup>алай. Два последних имени — dmr<sup>c</sup>ly и smh<sup>c</sup>ly — совпадают с характерными именами сабейских правителей; их вероятно, можно рассматривать как сабейские заимствования<sup>7</sup>. Во всяком случае, мы можем не учитывать их, рассматривая систему имен правителей Катабана. Собственно катабанскую ономастику (хотя, может быть, и не в полной мере) представляют остальные шесть имен. Это число совпадает с числом характерных имен сабейских правителей.

Два имени правителей Катабана — Иада<sup>c</sup>аб и Варав<sup>l</sup>ил — полностью совпадают с сабейскими и по особенностям употребления: это характерные имена, табуированные для других лиц; их носят только правители. Несколько сложнее обстоит дело с другими именами.

Имя Сумхуватар известно как имя царя Катабана только по сабейской надписи RES 3943,1. В катабанских текстах оно встречается лишь как имя отца правителя, Хавф<sup>c</sup>амма Йухан<sup>c</sup>има сына Сумхуватара (RES 3668, 3669, 3673, 3675, Ja 2361 = Ry 479), что можно объяснить неполнотой катабанского эпиграфического материала, особенно для ранних периодов. Это имя, по-видимому, также было характерным и табуированным для других лиц: только один раз такое имя встречается для частного лица — Сумхуватар из (рода) Мадрапар<sup>8</sup>.

<sup>5</sup> См. J. Ryckmans. L'institution monarchique en Arabie Méridionale avant l'Islam.— «Bibliothèque du Muséon», № 28. Louvain, 1951, p. 56.

<sup>6</sup> А. Г. Лундин. Указ. раб., с. 201—203.

<sup>7</sup> Оба имени содержатся в одной надписи HI 53+54 и принадлежат отцу и сыну. См.: A. Jamme. Inscriptions from Hajar bin Humeid.— «Hajar bin Humeid: investigations at a pre-islamic site in South Arabia». Baltimore, 1969, p. 345.

<sup>8</sup> Он известен как один из свидетелей декрета RES 3566,22 и по надгробной надписи TC 897.

Одно из самых частых имен правителей Катабана — Шахр, как обычно считается, могли носить и правители, и частные лица<sup>9</sup>. Однако проверка всех упоминаний показывает, что это обычное мнение неверно и основывается на смешении личного имени Шахр с названием рода šhr Шахар<sup>10</sup> или с другим личным именем šhrm Шахрум<sup>11</sup>. Остается лишь четыре надписи, в которых имя šhr может относиться к частному лицу: RES 311,1; 3858,3; 3967,7 и Ja 119,7. Остановимся на них подробнее.

Наиболее ясен контекст в RES 3967,7: wrgw'l/fyln/vhn'm/mlk/qtbn/ /wfr'krb/yhwd'/bnw/šhr — «Варав'ил Гайлан Йухан'сим, царь Катабана, и Фара'кариб Йухавди', два сына<sup>12</sup> Шахра». Здесь Шахр, отец Фара'кариба и Варав'ила, несомненно идентичен с царем Катабана Шахром Йагулом Йухаргибом, отцом Варав'ила (см. RES 3551, 4329). Аналогичную ситуацию содержит и надпись Ja 119,5—7: bšhr/ygl/yhrgb/ /bn/hwf'm/vhn'm/wb/fr'krb/ddrhn/dd/whwl/šhr — «Во (имя) Шахра Йагула Йухаргиба сына Хавф'амма Йухан'сима и во (имя) Фара'кариба зу-Зархана, дяди и управляющего Шахра». Здесь Шахр, племянник Фара'кариба — то же лицо, что упомянутый выше царь Шахр Йагул Йухаргиб. Соответственно и в двух оставшихся случаях, RES 311,1: [fr'krb/ddrhn/bn/šhr — «Фара'кариб зу-Зархан, сын Шахра» и RES 3858,3: ydmrmk/ddr'n/bn/šhr — «Измармалик зу-Зар'ан, сын Шахра» можно предположить, что отцы авторов были правителями Катабана, но названы они без титула и эпитетов, так как их сыновья выступают как частные лица. Таким образом, и имя šhr можно считать характерным именем правителя, табуированным для других лиц.

Отличается по употреблению лишь имя hwf'm — Хавф'амм. Частое у правителей (RES 3537, 3688 и т. д.; Ja 119, 2361, 2473 и т. д.), оно столь же часто встречается и у частных лиц (Ja 118,1; 294,1; 339,2; Ry 521,2; 583 и т. д.), однажды даже с эпитетом правителя: TC 1535— hwf'm/yhn'm/bn/'ndm — «Хавф'амм Йухан'им из (рода) 'Андам»<sup>13</sup>. Это имя, хотя несомненно является именем правителей, однако не запрещено и для других лиц и вообще часто встречается в Катабанах.

Наконец, последнее из известных сейчас имен правителей Катабана — nbtm — Набатум отмечено в катабанских надписях лишь дважды: как имя царя Катабана Набатума Йухан'сима сына Шахра Хилала (H2c) и как имя частного лица в надгробии Ja 132 (nbtm/ /ddr'n — «Набатум зу-Зар'ан»). Впрочем, «Набатум, царь Катабана» упомянут также в сабейской надписи Ja 629.11. Он, несомненно, идентичен с Набатумом Йухан'симом. Имеющийся материал не позволяет сделать каких-либо выводов. Отметим только, что царь Набатум Йухан'им, как современник сабейского царя Са'дшамсума 'Асра', автора Ja 629, жил в начале II в. н. э.<sup>14</sup>, т. е. в то время, когда в Сабейском государстве закономерная ономастика правителей уже не существовала. Поэтому и в системе имен катабанских правителей в этот период возможны всякие нарушения.

<sup>9</sup> См., например: G. L. Harding. An index and concordance of pre-islamic Arabian names and inscriptions. Toronto, 1971, p. 360.

<sup>10</sup> См. Ja 346, Ry 384. Ср. также RES 3566,28: 3878,15 и т. д.

<sup>11</sup> В надписи RES 3553 имена šhr и šhrm, кажется, употребляются безразлично: ср. строку 3 yd'c'b/dbyn/bn/šhrm и строку 6: yd'c'b/dbyn/bn/šhr. Однако в первом случае чтение конечного знака m сомнительно. Во всех других надписях отец Йада'аба Зубйана носит имя šhr: RES 3550, 3878, 4328, Ja 2362, 2363. Это позволяет и в RES 3553, 3 читать имя šhr.

<sup>12</sup> bpnw — катабанская форма двойственного числа. См.: Г. М. Байер. Язык южно-аравийской письменности. М., 1966, с. 55; A. F. L. Beeston. A descriptive grammar of epigraphic South Arabian. London, 1962, 29: 5.

<sup>13</sup> Впрочем, это упоминание может относиться и к правителю, выступающему в данном случае (в надгробной надписи) в роли частного лица.

<sup>14</sup> А. Г. Лундин. Указ. раб., с. 122.

Проведенный анализ имен царей и мукаррибов Катабана показывает, что ономастика правителей несомненно носила закономерный характер и, вероятно, подчинялась тем же правилам, что и ономастика мукаррибов и ранних царей Саба'. Она состояла из ограниченного числа характерных имен, запретных для других лиц. Видимо, таких имен в Катабана было шесть, как и в Саба', хотя точный список их дать пока нельзя<sup>15</sup>. В Катабана закономерности выдерживались не так строго, как в Сабейском государстве, и в результате нарушения правил правители могли иногда носить и имена, заимствованные у сабейцев (Сумху'алай, Замар'алай) или катабанские имена, не запретные для других лиц (Хавф'амм, Набатум). При этом возможны нарушения закономерного характера имен, и не связанные с нарушением правил престолонаследия или узурпацией престола: царь Набатум Йухан'им был сыном явно законного правителя Шахра Хилала (см. Н2с).

Совершенно иная картина вырисовывается при анализе имен, которые носят отцы правителей или их сыновья. Наряду с характерными именами правителей среди них в значительном количестве встречаются и нехарактерные. Так, среди имен отцов встречаются все характерные имена (кроме имени Варав'ил; см. однако RES 3665,1), заимствованное сабейское Замар'алай и четыре нехарактерных, не засвидетельствованных у правителей:

'bšbm — «'Абшибам, отец Шахра Гайлана»: RES 3552, 3688, 4162 и т. д.

dg'krb — «Зара'кариб, отец Шахра Хилала»: RES 3854 и Шахра Хилала Йухакбид.

ydmrmk — «Йазмармалик, отец Шахра Хилала»: TC 652<sup>16</sup>.

fr'krb — «Фара'кариб, отец Йада'аба Гайлана»: Ja 118, TC 1014<sup>17</sup>.

Все эти имена отличаются близкими характеристиками употребления: это довольно редкие имена<sup>18</sup>, встречающиеся преимущественно в среде катабанской знати: у свидетелей декретов<sup>19</sup>, эпонимов<sup>20</sup>, родственников правителей<sup>21</sup> или просто лиц, занимавших высокое социальное положение<sup>22</sup>.

Сыновья правителей также часто носят, наряду с характерными, и нехарактерные имена, не засвидетельствованные у правителей. Известен целый ряд таких имен:

b'm — «Би'амм, сын Шахра Гайлана сына 'Абшибама» (RES 3552,8).

šhrm — «Шахрум, сын Йада'аба Зубйана» (RES 311,8; 4094,3).

mrt<sup>u</sup>dm — «Марсадум, сын Набатума Йухан'има сына Шахра Хилала» (Н 2с).

hwf'ft — «Хавф'асат, сын Йада'аба Зубйана Йухаргиба» (неизданная надпись Л 42).

nbt'm — «Набат'амм, сын Шахра Хилала» (RES 4330,5) и, вероятно,

whb'm — «Вахаб'амм, сын Шахра Йагула» (RES 4335<sup>23</sup>).

<sup>15</sup> Из известных нам шести имен Набатум — явно нехарактерное и, скорее всего, просто случайное. Может быть, нехарактерно и имя Хавф'амм, хотя оно встречается у ранних правителей. Напротив, к числу характерных, пожалуй, можно отнести заимствованное сабейское — Замар'алай, известное и как имя царя (Н1 53+54), и как имя отца царя Йада'аба Йагула (RES 3858,2; Ja 2361).

<sup>16</sup> Надпись TC 652 не издана; о ней см. А. Jamme. La paléographie sud-arabe de J. Pirenne. Washington, 1957, p. 170.

<sup>17</sup> Ср. также «Замар'алай, отец Йада'аба Йагула» (RES 3858,2; Ja 2361).

<sup>18</sup> См. G. L. Harding. Указ. раб., с. 12, 251, 466, 665.

<sup>19</sup> 'Абшибам (RES 3878,17) и Зара'кариб (RES 3566,30, 32; 3878,15).

<sup>20</sup> Йазмармалик — в неизданной надписи Л 37.

<sup>21</sup> Йазмармалик (RES 3858) и Фара'кариб (RES 311, Ja 119).

<sup>22</sup> См. титул 'bd/dr'krb — «раб Зара'кариба» (AM 60.756: A. Jamme. Miscellanees d'ancien arabe, v. II. Washington, 1971, p. 127).

<sup>23</sup> Такое чтение предлагает А. Жамм, видимо, основываясь на собственной неизданной копии текста: А. Jamme. Paléographie sud-arabe de J. Pirenne, p. 170.

Все эти упоминания следуют единой схеме, образцом которой может служить надпись RES 4094,3:  $yd^c/b[db]yn/wbnhw/\$hrm/mlkw/qtbn$  — «Иада<sup>c</sup>аб Зубйан и его сын Шахрум, два царя Катабана». Таким образом, царский титул дается здесь и сыну царя<sup>24</sup>. Тем более удивительно, что ни одно из этих имен ни разу не встречается как имя единственного правителя, царя или мукарриба, и даже ни разу не сопровождается эпитетом правителя.

Сыновьями правителей следует считать также Фара<sup>c</sup>кариба зу-Зархана сына Шахра (RES 311,1) и Иазмармалика зу-Зар'ана сына Шахра (RES 3858,3), о которых уже говорилось выше<sup>25</sup>.

Все эти имена по характеру употребления очень схожи с именами отцов правителей, хотя можно обнаружить и некоторые незначительные отличия. Это обычно редкие для катанской эпиграфики имена<sup>26</sup>; лишь  $\$hrm$  и  $pbt^m$  довольно часто встречаются в Катабанах<sup>27</sup>. Их носят, как правило, представители знати: свидетели декретов<sup>28</sup>, эпонимы<sup>29</sup> и иные высокопоставленные лица<sup>30</sup>. Два имени, Фара<sup>c</sup>кариб и Иазмармалик, уже встречались нам как имена отцов правителей<sup>31</sup>.

Другие родственники правителей упоминаются реже: один раз — дядя ( $dd$ ), «Фара<sup>c</sup>кариб зу-Зархан» (Ja 119) и несколько раз — братья:  $fr^c krb$  — «Фара<sup>c</sup>кариб (Иухавди<sup>c</sup>), брат Варав'ила Гайлана Иухан'има» (RES 3965 и, вероятно, Ry 497,5).

$smhgm$  — «Сумхурам, брат Замар<sup>c</sup>алайя Зубйана Иухаргиба» (HI 53+54). Вероятно, также

$hwf^m$  Хавф<sup>c</sup>амм:  $'hs/hwf^m$  — «брат его Хавф<sup>c</sup>амм» (RES 4973,3),

видимо, был братом Варав'ила Гайлана, названного в той же

надписи строкой выше. Возможно,

$dmrkr[b]$  — «Замаркариб», упомянутый во фрагменте TC 1108,3, также был братом или сыном упомянутого в предыдущей строке Иада<sup>c</sup>аба Зубйана.

И эти имена отличаются теми же особенностями употребления: опять мы имеем дело с редкими именами, встречающимися преимущественно среди знати<sup>32</sup>; частично они совпадают с разобранными выше. Наиболее интересно имя Хавф<sup>c</sup>амм, известное как характерное, но нетабуированное имя правителя. Выше было сделано предположение, что такие имена проникали в ономастику правителей в какой-то мере случайно, в результате нарушений или искажений существовавших закономерностей (преждевременной смерти будущего правителя, узурпации власти и т. п.). При этом заимствовались имена, встречавшиеся в непосредственном окружении правителей, или у их родственников.

<sup>24</sup> Лишь в Л 42 титул не относится к сыну:  $wb/yd^c'b[db]yn/yhrgb/mlk/qtbn/wb/bnhw/hwf^m$  — «И во (имя) Иада<sup>c</sup>аба Зубйана Иухаргиба, царя Катабана, и во (имя) его сына Хавф<sup>c</sup>асата».

<sup>25</sup> Как показывает надпись RES 3566,27, Зархан — ветвь племени Зар'ан.

<sup>26</sup> Имена  $b^m$  и  $whb^m$  вообще встречаются в катанских надписях единственный раз. См. G. L. Harding. Указ. раб., с. 112, 652.

<sup>27</sup> См. G. L. Harding. Указ. раб., с. 361, 579.

<sup>28</sup> Марсадам (RES 3566,35), Набат<sup>c</sup>амм (RES 3878,20, 21) и Хавф<sup>c</sup>асат (RES 3878,16).

<sup>29</sup> Шахрум (RES 3691,8) и Хавф<sup>c</sup>асат (RES 4931,6).

<sup>30</sup> Таков Набат<sup>c</sup>амм сын 'Илсамид, высекавший известные «тексты Лабаха» (RES 3688, 3689) или автор RES 4330 Набат<sup>c</sup>амм сын Пакахмалика, которого автор соседней надписи Ry 387 называет титулом  $mr'$  — «господин». Отметим также сочетание двух таких имен у автора надписи RES 313: Набат<sup>c</sup>амм сын Хавф<sup>c</sup>асата.

<sup>31</sup> Имя царя Катабана — Набатум, может быть, следует рассматривать как сокращение теофорного имени Набат<sup>c</sup>амм.

<sup>32</sup> Так, Сумхурам — отец эпонима в неизданной надписи Л 30.

Имя Хавф<sup>а</sup>мм, как имя брата правителя, кажется, подтверждает это предположение.

В связи с этим следует остановиться на сообщении А. Жамма, что при раскопках в Тимна<sup>о</sup> была найдена «посвятительная надпись, разбитая на много кусков, высеченная Фари<sup>к</sup> [арибом...], царем Катабана»<sup>33</sup>. Если это сообщение правильно, оно свидетельствует еще об одном случае проникновения в ономастику правителей нехарактерного имени из ономастики их непосредственного окружения. Однако интерпретация А. Жамма вызывает сомнения.

Прежде всего отметим, что нам неизвестны посвятительные надписи правителей Катабана<sup>34</sup>, как они неизвестны и для сабейских правителей раннего периода, т. е. именно того периода, когда еще сохранялся закономерный характер имен<sup>35</sup>. По-видимому, правители этого времени вообще не ставили посвятительных надписей. Поэтому можно предположить, что при соединении фрагментов был ошибочно определен размер лакуны между именем Фара<sup>к</sup>ка[риб] и титулом, и автор был не царем Катабана, а сыном или братом царя.

Анализ всех известных надписей, проведенный выше, показывает, что имена родственников царей и мукаррибов Катабана — сыновей, отцов, братьев — отличаются одинаковыми особенностями употребления и частично перекрываются, переходя из одной группы в другую. Все они повторяются в близких контекстах как имена высших должностных лиц Катабанского государства (свидетели декретов, эпонимы, исполнители важных общественных работ) или как имена представителей знати (авторы крупных надписей, носители титула *mr'* — «господин» и т. п.). В целом эти имена можно охарактеризовать как родовую ономастику царского рода (племени) или нескольких знатных родов.

Резкая разница между этой ономастикой и именами правителей показывает, что передача власти от отца к сыну не была в Катабана правилом наследования. Это были лишь частные случаи, хотя и довольно часто встречавшиеся на практике. Они показывают, что сыновья правителей несомненно входили в круг возможных наследников, но ими этот круг далеко не ограничивался. По-видимому, правилом наследования была передача власти в пределах узкого круга знати, вероятно, в пределах царского рода Зархан или племени Зар'ан.

Такой вывод полностью совпадает с данными, сообщаемыми Эратосфеном, что подтверждает достоверность его сообщения. Эпиграфический материал позволяет приурочить эти данные к Катабанскому государству, хотя сам Эратосфен говорит о Южной Аравии вообще. В какой мере эти данные верны для других государств древнего Йемена (Ма'ина и Хадрамаута), остается неясным. В Сабейском государстве, как мы уже отмечали, власть передавалась от отца к сыну в строгом генеалогическом порядке.

Однако Эратосфен, подробно описывая механизм наследования власти в Катабана, не раскрывает его значения. Сама процедура надзора за рождением с применением стражи кажется весьма странной и непонятной. Очень заманчиво сравнить этот обычай с поисками далай-ламы в Тибете или возрождающегося бога-быка Аписа в древнем Египте, т. е. с обычаями, выражавшими понятия «перевоплощения» или

<sup>33</sup> А. Jamme. Some Qatabanian inscriptions dedicating «Daughters of God». — «BASOR», № 138, 1955, с. 39. А. Жамм не указывает ни полевых номеров находок, ни своего номера надписи.

<sup>34</sup> См. лишь RES 3688,1: *šhr/gyln/bn/bšbm/mlk/qtbh/whb/wsny* — «Шахр Гайлан сын 'Абшибама, царь Катабана, даровал и посвятил». Но и эта надпись, несмотря на употребление глагола *sqny*, и по форме и по содержанию является не посвятительным, а юридическим текстом.

<sup>35</sup> См. А. Г. Лундин. Социально-экономические данные сабейских посвятительных надписей периода мукаррибов Саба'. — «Вестник древней истории», 1962, № 3, с. 102, 103; ср. его же. Государство мукаррибов, с. 190, 191.

переселения душ. Однако Эратосфен связывает поиск преемника не со смертью правителя, а с его вступлением в должность. Таким образом, пост правителя занимает не его «перевоплощение», а совсем другое лицо. Напротив, «возродившийся» правитель оказывается на неопределенный срок отстраненным от власти, что противоречит самой идее перевоплощения. Кроме того, Эратосфен не упоминает ни о каких признаках новорожденного, позволяющих установить его тождество с предыдущим «перевоплощением». Однако в известных нам случаях, связанных с идеей перевоплощения, такие знаки играли весьма важную роль. Это показывает, что сходство процедуры лишь скрывает серьезные различия в существе обычаев, и приведенные поверхностные аналогии не могут объяснить значение катабанских правил престолонаследия. Выяснить идейные представления, скрытые за этой процедурой, позволяют катабанские эпиграфические источники. Среди титулов, которые носят правители Катабана, встречается титул *bkr/nby/whwkm* — «первенец (богов) 'Анбайа и Хавкам» (RES 3880, 3540, Ja 2436 и т. д.). Он и показывает определяющий принцип престолонаследия в Катабане: право «первородства».

Принцип первородства, общий для всех семитских народов, был широко распространен в древней Южной Аравии. В Саба', например, право первородства играло значительную роль в наследовании государственных должностей разного ранга. Так, сабейские эпонимы племени Халил именовались *bkr/hll/wkbrhwm* — «первенец (племени) Халил и кабир их»<sup>36</sup>.

Однако установить право первородства в племени, особенно если первенец считается сыном богов, совсем не просто. При этом могли применяться разные «способы отсчета», как это и было, видимо, в разных государствах древней Южной Аравии. В Саба' использовали своеобразный «майоратный» принцип определения первенца племени: им считался старший представитель старшего рода племени или ветви племени. Соответственно первородство и связанные с ним посты (например, пост эпонима) передавались в строго генеалогическом порядке, от отца к сыну, и каждая государственная должность закреплялась в определенном племени или его ветви.

В Катабане, судя по описанию Эратосфена, этот же принцип осуществлялся иным порядком, путем выделения первенца в каждом поколении или возрастном классе. При этом первенцем теоретически мог оказаться любой член общества, хотя на практике круг полноправных граждан был ограничен узкой сферой знати.

Процедура, о которой рассказывает Эратосфен, и представляет собой механизм установления первородства, выделения «первенца 'Анбайа и Хавкам». Моментом, определяющим смену поколений, являлось восшествие на престол очередного правителя. Все члены правящего рода или племени, появившиеся на свет после этого момента, относились к следующему поколению, и отсчет старшинства начинался заново. О том, насколько узок был круг возможных претендентов в эпоху, отраженную надписями, говорит частое наследование власти сыном предыдущего правителя. Однако первоначально такой порядок отсчета первородства давал равные возможности всем членам общества.

Аналогичный порядок престолонаследия, от поколения к поколению, существовал значительно позднее на восточноафриканском берегу, близком к Южной Аравии, в суахилийском государстве Пате<sup>37</sup>, где он сохранился до XIX в. Этот порядок заключался в том, что власть пере-

<sup>36</sup> См. Gl 1679, 1687, 1773; ср. А. Г. Лундин. Государство мукаррибов, с. 66—68.

<sup>37</sup> В. М. Мисюгин. Правила наследования престола царями Пате.— «Труды VII МКАЭН», т. 9. М., 1970, с. 183—187; *его же*. Суахилийская хроника средневекового государства Пате.— «Africana», VI («Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 90), 1966, с. 52—83.

давалась от группы братьев по турано-ганованскому счету родства — *ndugu* (практически — сыновья братьев, т. е. родные и двоюродные братья) — к следующей группе *ndugu*. Внутри группы титул правителя также передавался по старшинству, но когда группа (поколение) была исчерпана, он переходил к старшему представителю следующей группы *ndugu*. В. М. Мисюгин отмечает, что ввиду немногочисленности царствующего рода случаи наследования титула сыном не были редкостью.

В. М. Мисюгин возводит этот обычай непосредственно к доклассовому обществу, реконструируя его начальный этап следующим образом: в доклассовом обществе побережья Восточной Африки важнейшие социальные институты были связаны с делением общества на возрастные категории. Социальные должности отправлялись в течение строго установленного времени параллельно и мужчиной и женщиной — представителями одной возрастной категории. Группа родственников была, по мнению В. М. Мисюгина, экзогамной, и ее члены, избравшиеся для отправления должности, в течение периода полномочий считались ритуальными мужем и женой. Сроки полномочий были краткими, так как каждая возрастная категория состояла из нескольких слоев.

Реконструируемая система в некоторых аспектах ближе к катабанской, чем реально существовавшая в XII—XIX вв. Здесь следует отметить, прежде всего, ритуальные функции правителя и, может быть, ограниченность и предопределенность срока полномочий. С другой стороны, совпадает даже такой вторичный признак, характерный для периода разрушения системы, как частое наследование власти непосредственно сыном. Таким образом, и катабанскую государственность также можно возводить к аналогичным институтам доклассового общества.

Однако возникает вопрос, насколько правомерно считать суахильские государственные институты непосредственными преемниками доклассового строя? Отметим, что вообще в классовом обществе сохранение возрастных классов — весьма редкое явление. Кроме того, весьма сомнительно, что побережье Восточной Африки до XII в. н. э. не знало хотя бы раннеклассовых отношений.

Следует отметить торговые связи Южной Аравии с Восточной Африкой, описанные в греческом сочинении конца II в. н. э. «Перипл Эритрейского моря»<sup>38</sup>. Но африканские товары на своем пути в страны Средиземноморья, куда они попадали еще во II тысячелетии до н. э., несомненно проходили через Южную Аравию. Торговля с Восточной Африкой шла через гавани Катабана и в меньшей степени Хадрамаута. Активную роль в ней играли более развитые страны Южной Аравии.

Очень заманчиво предположить, что редкая особенность государственного строя, передача власти от поколения (возрастного класса) к поколению, объясняется не только типологической и стадийной близостью южноарабского общества начала I тыс. до н. э. и суахильского доколониального общества, а в какой-то мере и влиянием Южной Аравии на зарождавшуюся государственность Восточной Африки. Это позволило бы сделать вывод, что народы Восточной Африки, очень рано вовлеченные в систему международного обмена и торговли, создали первые раннеклассовые и раннегосударственные объединения уже в I тысячелетии до н. э.

Однако необычные (негенеалогические) принципы наследования власти засвидетельствованы во многих обществах Африки, как древних (например, Мерое), так и в более поздних, и в ряде стран древнего Востока (Элам, Хеттское государство и т. д.). В них видят то передачу власти по материнской линии, то «фратернитет». Представляется весьма перспективной задача поисков в этих обществах обычая передачи власти от поколения к поколению или по крайней мере пережитков такого порядка.

<sup>38</sup> Псевдоарриан. Плавание вокруг Эритрейского моря. — «Вестник древней истории», 1940, № 2, с. 264—281.